

Лицо Хэ Даюна на мгновение окаменело.

Он пристально смотрел на Цэнь Сяо, лихорадочно пытаясь определить, блефует тот или говорит правду. У директора «Мэйцзян» были свои связи в Девятом районе, позволявшие ему отслеживать перемещения следственных групп, но Цэнь Сяо крайне редко сотрудничал с другими отделами. Из-за этого вся информация, которую получал Хэ Даюн, обычно касалась лишь действий Ду Минли.

Он привык считать, что Цэнь Сяо уступает коллеге в профессионализме, а Ду Минли попросту перехватывает все вспомогательные ресурсы района. Но теперь ситуация выглядела иначе: либо капитан Цэнь пускал пыль в глаза, дожидаясь, пока противник совершит ошибку, либо у него имелись иные каналы связи, не имеющие отношения к официальным структурам Девятого района.

— В производственных цехах только началась смена, рабочие наверняка еще переодеваются в защитные костюмы, — проговорил Хэ Даюн с натянутой улыбкой. — Может, пройдем пока в мой кабинет? Выпьем чаю, побеседуем. Пятнадцать минут погоды не сделают.

Гэн Ань вопросительно взглянул на Цэнь Сяо. Доводы собеседника звучали логично: раз уж они здесь, спешить действительно не стоило. К тому же, если верить смутным воспоминаниям Гэн Аня о студенческих временах, процедура облачения в стерильную форму была делом хлопотным. Если они ворвутся сейчас, работа еще не начнется, и проверить соблюдение регламента всё равно не удастся.

Цэнь Сяо некоторое время хранил молчание. Заметив, что Ли Жун не спешит высказывать свое мнение, он сухо ответил:

— Постарайтесь уложиться в кратчайшие сроки. Нам нужно поскорее вернуться и закрыть дело.

— Разумеется, — поддакнул Хэ Даюн. — Мы все заинтересованы в том, чтобы покончить с этим недоразумением.

Когда подошел лифт, директор любезно пригласил Цэнь Сяо войти первым. Пока они вдвоем заходили внутрь, остальные потянулись следом. Ли Жун шел в самом конце; он низко опустил голову и плотно сжал губы, сохраняя абсолютное спокойствие.

Именно в этот момент Хэ Даюн по-настоящему обратил на него внимание. И первым, что бросилось ему в глаза, была внешность юноши. Несмотря на жару, из-за которой Юй Фуянь и Гэн Ань уже переоделись в футболки, Ли Жун оставался в кофте с длинным рукавом. Голубой цвет толстовки выгодно подчеркивал его белую кожу, придавая лицу особую утонченность и изящество. Хэ Даюну на миг показалось, будто капитан прихватил с собой какую-то молодую

кинозвезду.

Чем красивее и холёнее выглядит человек, тем проще окружающим игнорировать его таланты: для большинства внешняя привлекательность — самый сильный, ослепляющий фактор. К тому же на фоне спутников Ли Жун казался довольно хрупким, а из-за недавно спавшего жара его лицо еще не приобрело здоровый цвет. Он выглядел болезненным и никак не тянул на элитного оперативника, прошедшего суровый отбор в отряд «Призрачный глаз».

Но решающим фактором была молодость. Команда Цэнь Сяо и без того была аномально юной, а этот парень и вовсе лишал их группу всякой убедительности.

— Этот молодой человек тоже сотрудник Девятого района? — небрежно поинтересовался Хэ Даюн.

Услышав вопрос, Ли Жун поднял глаза и медленно произнес:

— Нет, я студент биохимического факультета Университета А. Приехал с капитаном Цэнь в качестве стажера.

— А, из Университета А... — Хэ Даюн едва сдержал ироничную усмешку.

Его собственный сын учился там же, на том же факультете, причем во втором, престижном классе. Он знал, что Хэ Чанфэн куда талантливее большинства сверстников, но даже при этом понимал: для студентов биохимии, пусть и из лучшего вуза, их отрасль — это бескрайний океан, который те пытаются измерить чайной ложкой. То, что сейчас учил Чанфэн, не шло ни в какое сравнение с опытом любого его ассистента.

«Цэнь Сяо с таким серьезным видом притащил студента на подмогу... Да этот парень — „ваза“ среди „ваз“, украшение интерьера, не более. Просто абсурд»

Ду Минли в прошлый раз привел с собой профессора Ли Байшоу, члена института «Хунсо». Тот профессор долго и нудно проверял всё подряд, сыпал теоретическими терминами и рассуждал о глобальных перспективах, но в итоге так и не нашел ничего, что могло бы угрожать «Мэйцзян». Лишь указал на пару пустяковых недочетов, чем изрядно смутил самого Ду Минли. Впрочем, польза от профессора всё же была: он помог Хэ Даюну выявить мелкие огрехи в системе, которые тот благополучно исправил.

Заметив снисходительный тон собеседника, Ли Жун понял, что тот не воспринимает его всерьез. Он лишь тонко улыбнулся и, отойдя в угол лифта, прислонился спиной к прохладной стенке, безучастно разглядывая носки своих ботинок.

Пока Хэ Даюн разговаривал со студентом, Цэнь Сяо никак не вмешивался. Но увидев, что парень привалился к металлической панели, он всё же протянул руку и слегка придержал его

за плечо.

— Холодная.

Ли Жун послушно отстранился от ледяной стены и сделал шаг вперед. Ладонь Цэнь Сяо еще на несколько секунд задержалась на его лопатке, прежде чем тот убрал руку.

Хэ Даюн проследил за этим жестом, но не придал ему значения. Он лишь отметил про себя, что капитан Цэнь весьма заботлив к подчиненным. Увы, чем бесталаннее лидер, тем больше он старается завоевать людей подобными мелочами. Впрочем, Цэнь Сяо всего девятнадцать, называть его бездарным было бы слишком жестоко, но ему определенно не стоило так рано лезть в мутные воды Девятого района.

Кабинет Хэ Даюна располагался на верхнем этаже административного корпуса. Несмотря на статус первого лица компании, обстановка не была вызывающе роскошной — напротив, интерьер выглядел довольно сдержанно.

И здесь директор был полной противоположностью своему сыну. Ли Жун изучал досье Хэ Даюна: тот вырос в деревне, в детстве знал нужду и пробивал себе путь наверх собственными силами. Даже разбогатев, он не привык швыряться деньгами. А вот Хэ Чанфэн, с пеленок живший в достатке, находился в том возрасте, когда тщеславие берет верх, и обожал всё кричащее и статусное.

Как только гости вошли, секретарша подала чай «Байхао Иньчжэнь». Комната наполнилась тонким ароматом, над чашками за клубился пар. Стояла невыносимая жара, и любой нормальный человек предпочел бы прохладительный напиток обжигающему чаю, даже понимая, что хозяин кабинета угощает их элитным сортом.

Ли Жун был единственным, кто принял чашку. Он слегка подул на пар и, осторожно пробуя температуру кончиком языка, сделал небольшой глоток. Вкус был насыщенным, но не резким — мягким, глубоким, с легким сладковатым послевкусием.

— Прекрасный чай, — искренне заметил Ли Жун.

Хэ Даюн снова посмотрел на него. Он и сам взял чашку и неспешно отпил:

— Это отборный сорт, привезли по моей просьбе друзья. Действительно редкость.

Он сочувствовал молодежи, привыкшей к кофе и молочным коктейлям, и впервые подумал, что у этого «украшения команды», помимо внешности, есть еще и неплохой вкус. Его сын, Чанфэн, к подобным вещам относился с полным пренебрежением.

— Господин Хэ, когда мы сможем пройти в цех? — спросил Гэн Ань. — В такую жару как-то не

тянет на вдумчивые чаепития.

Хэ Даюн улыбнулся:

— Не спешите, не спешите. Минут тридцать, не больше.

Ли Жун, прихлебывая чай, принялся неспешно осматривать кабинет. Обстановка действительно была скромной: большой книжный шкаф до отказа забит литературой по фармацевтике. Скользя взглядом по полкам, юноша заметил даже труды своего отца, Ли Цинли. Это было издание трех-четырёхлетней давности, скорее дополнительное пособие для студентов, излагающее основы. В то время авторитет Ли Цинли в академических кругах был столь высок, что издательства оформляли обложки чересчур пафосно, и такие книги часто покупали просто для престижа, чтобы украсить кабинет.

Взор Ли Жуна переместился на стену за рабочим столом директора. Там висела картина в стиле гохуа, оформленная в изящную раму: горные туманы, величественные терема — мастерская работа тушью, безупречные переходы и живой, плавный стиль. В правом нижнем углу виднелись старые каллиграфические надписи и оттиски печатей.

Ли Жун поставил чашку с недопитым чаем, взглянул на Цэнь Сяо и с приветливой улыбкой подошел к столу, обходя его сбоку, чтобы рассмотреть полотно поближе.

— Господин Хэ, эта работа — подлинник.

Цэнь Сяо едва заметно нахмурился. Он не понимал, почему Ли Жун внезапно заинтересовался коллекцией директора. Ли Жун как-то упоминал, что его отец, Ли Цинли, обожал старинную каллиграфию и живопись, дома даже хранилось несколько ценных свитков. Однако мать, Гу Нун, предпочитала современное искусство. Ли Жун, оказавшись меж двух огней, в итоге охладел к обоим направлениям. Если бы это было иначе, в прошлой жизни Цэнь Сяо не пришлось бы так долго ломать голову над тем, чем порадовать Ли Жуна — ведь в закромах семьи Сяо хранилось бесчисленное множество раритетов, перед которыми не устоял бы ни один ценитель.

Хэ Даюн был слегка удивлен:

— О, юноша разбирается в живописи?

Ли Жун покачал головой и негромко произнес:

— Трудно сказать «разбираюсь». Просто мой отец очень любил подобные вещи, я с детства видел их перед глазами, так что кое-какие навыки оценки сохранились. Впрочем, даже дилетанту ясно — картина великолепна.

Хэ Даюн рассматривал спину студента и неспешно пояснил:

— Я купил её на зарубежном аукционе. Вещи наших предков не должны пылиться на чужбине.

Теперь он окончательно утвердился в мысли, что этот студент-красавчик происходит из высокообразованной семьи, а не является пустышкой. Способность с одного взгляда определить подлинность — талант, который не дается просто так даже любителям. «Но если он из хорошей семьи с правильным воспитанием, то к фармацевтике точно не имеет отношения. Как бы ни был силен студент, чего он стоит против целого завода? Вся эта следственная группа действует просто на авось», — подумал директор.

Ли Жун, казалось, был очарован картиной. Он долго изучал детали и оторвал взгляд лишь тогда, когда секретарь сообщил, что цех готов к осмотру. Пока они спускались, Хэ Даюн с улыбкой спросил:

— Вам действительно так нравится живопись?

Ли Жун со вздохом ответил:

— Да, очень. Жаль только, что я бедный студент — могу лишь любоваться в музеях, купить такое мне не по карману.

Цэнь Сяо слегка склонил голову, наблюдая за юношей сощуренными глазами. Хэ Даюн же указал на капитана:

— Ну, вы всегда можете попросить капитана Цэнь. Насколько я знаю, госпожа Сяо Мужань происходит из одной из лучших семей коллекционеров в стране, у них в доме полно сокровищ.

Ли Жун опустил глаза и тихо рассмеялся:

— Ну как я могу... Мы с капитаном Цэнь всего лишь однокурсники.

Цэнь Сяо вскинул бровь и подыграл:

— Почему ты раньше не говорил о своем увлечении? Это вещи из дома моего деда, но я вполне могу пригласить тебя посмотреть коллекцию.

Он понял: Ли Жун намеренно демонстрирует Хэ Даюну свою «слабость». Человек с явными пристрастиями всегда вызывает меньше подозрений и кажется более предсказуемым. Цэнь Сяо пока не знал истинных причин такого маневра, но в присутствии лишних ушей уточнять детали не стал. Гэн Ань и Юй Фуянь обменялись многозначительными взглядами. Истинные отношения Ли Жун и Цэнь Сяо давно вышли за рамки простого знакомства, но сейчас они

виртуозно разыгрывали перед Хэ Даюном светскую вежливость.

Директор хмыкнул:

— Да, многие раритеты уникальны, и истинные ценители расстаются с ними крайне неохотно.

Его не особо волновала глубина их дружбы, в голове лишь зафиксировалась метка: «Ли Жун обожает живопись».

Производственный комплекс «Мэйцзян» находился за административным зданием и представлял собой внушительный двухэтажный корпус. У входа Ли Жун внезапно остановился и с невинным видом обратился к Хэ Даюну:

— Господин Хэ, позвольте уточнить: сотрудники уже на своих местах? Все производственные линии запущены?

Директор взглянул на секретаря:

— Ведь так?

Тот мгновенно отрапортовал:

— Разумеется, работа идет в штатном режиме.

Ли Жун поднял руку и указал на массивные двери:

— И куда мы сейчас входим?

Хэ Даюн усмехнулся:

— Конечно же, в цех по производству «Юаньхэшэна». Вы разве не внимательно слушали, о чем просил капитан Цэнь?

Ли Жун повернулся к Цэнь Сяо с озадаченным видом:

— Ты просил об этом? Но мне совсем не интересен «Юаньхэшэн». Раз уж все линии работают, не лучше ли сначала взглянуть на производство «Цинжуй»?

— Это... — Хэ Даюн явно не ожидал такого поворота.

Цэнь Сяо, проявив несвойственную ему покладистость, вздохнул:

— Что ж, хорошо. Смотрим то, что ты хочешь.

Хэ Даюн лишился дара речи. Капитан даже не спросил его мнения, просто согласился. «Сказали же, что просто однокурсники... Откуда тогда такая потачка?»

Вчера, едва получив известие о прилете Цэнь Сяо, директор распорядился подготовиться к проверке. Но за одну ночь многого не успеешь. Лучше всего они «причесали» линию «Юаньхэшэна», так как именно по этому препарату ждали удара. А вот «Цинжуй»... Линий по его производству было слишком много, навести идеальный лоск повсюду они попросту не успели. Где-то наверняка остались зацепки.

Но искать предлоги для отказа сейчас означало признать свою вину. Хэ Даюн только сейчас понял: тот невинный вопрос Ли Жуна был ловушкой. Парень заставил его и секретаря подтвердить, что всё производство — включая «Цинжуй» — работает в нормальном режиме. Директора охватила смутная тревога. Под лучами солнца он снова начал обливаться потом.

Он бросил взгляд на секретаря, и тот выдавил вымученную улыбку:

— Цех «Цинжуй» находится немного дальше.

Ли Жун вежливо улыбнулся в ответ:

— Ничего страшного. Господин Хэ постоянно сидит в кабинете, ему наверняка полезно размяться.

— Значит, «Юаньхэшэн» подождет. Сначала в цех «Цинжуй», — подвел итог Цэнь Сяо.

Припертый к стене, Хэ Даюн был вынужден вести их. Впрочем, инструкции о приведении дел в порядок были разосланы по всем подразделениям. Если проверка ограничится простым осмотром, они вполне могут проскочить.

Цех «Цинжуй» оказался намного масштабнее предыдущего. Этот препарат был золотой жилой фармацевтической компании «Мэйцзян», спрос на рынке был колоссальным, а потому и линий требовалось множество. Начальник цеха явно не ожидал визита проверки именно к нему, но, встретившись взглядом с директором, быстро взял себя в руки.

Он повел группу по длинному застекленному коридору. Сквозь прозрачные панели были видны операционные залы, где сотрудники в защитных костюмах трудились над четко работающими механизмами. На первый взгляд всё выглядело безупречно: современное оборудование, соблюдение регламентов, отлаженная логистика. Даже пол в коридоре блестел от недавней уборки.

Начальник цеха рассыпался в объяснениях:

— Следуя указаниям господина Хэ, безопасность продукции и строгое соблюдение протоколов являются для нас абсолютным приоритетом. Наши операторы работают в трехслойных защитных костюмах. К концу смены они буквально обливаются потом — труд тяжелейший, но стерильность среды превыше всего.

— А здесь у нас рабочая зона для ведения документации. Небольшой кабинет... Вот, обратите внимание на наш лозунг на стене: «No Tipp-Ex». Это значит, что использование корректора строго запрещено. Несколько лет назад некоторые зарубежные заводы дженериков подделывали данные ради прохождения аудита, пренебрегая здоровьем пациентов. Это бросило тень на всю отрасль. С тех пор мы повесили этот плакат как напоминание нашим исследователям: достоверность данных священна.

Юй Фуянь оглядывался по сторонам. Несмотря на работающие кондиционеры, он тоже начал потеть — от досады. С его точки зрения, в цехе «Цинжуй» придраться было не к чему. Когда Ли Жун внезапно предложил сменить маршрут, Юй Фуянь воодушевился, надеясь застать Хэ Даюна врасплох. Но, очевидно, здесь тоже успели подготовиться.

Он тайком дернул Гэн Аня за рукав и, активно жестикулируя, беззвучно проартикулировал: «Ты что-нибудь видишь?» Тот с серьезным видом вглядывался в каждую деталь, но в итоге лишь разочарованно покачал головой. Биохимия — дисциплина широкая, и фармация лишь одно из её направлений. Гэн Ань смыслил в производстве не больше своего напарника.

Пока начальник цеха разливался соловьем, расхваливая антикорректорную политику, Цэнь Сяо взглянул на Ли Жунуна, глазами указывая на гвоздь, на котором висела табличка с лозунгом. Вокруг шляпки еще виднелась свежая гипсовая крошка. Было очевидно: плакат водрузили совсем недавно.

Ли Жун едва заметно кивнул, его ресницы дрогнули. В уголках губ промелькнула ироничная усмешка, и он жестом дал понять капитану: «Спокойно». Затем он сделал пару шагов вперед, выходя из толпы, и с задумчивым видом уставился на плакат.

— Сейчас мало предприятий с таким уровнем сознательности, — заметил он. — Раз так, могу ли я взглянуть на журналы учета данных? У операторов ведь должны быть оригиналы записей?

Начальник цеха осекся. Он настороженно посмотрел на юношу, не спеша соглашаться.

Хэ Даюн вкрадчиво произнес:

— Мы готовы ко всестороннему сотрудничеству. Но большая часть данных, не составляющих коммерческую тайну, уже переведена в электронный вид. Может, пройдем в кабинет начальника цеха и посмотрим там?

Ли Жун ответил мягко, но твердо:

— Бумажные журналы — это первичные данные. Именно они лучше всего демонстрируют щепетильность компании «Мэйцзян» в работе.

— Неужели у такой профессиональной компании, как «Мэйцзян», нет бумажных архивов? — вопросом на вопрос ответил Цэнь Сяо.

Директор улыбнулся:

— Разумеется, есть.

Он не боялся. Все эти журналы уже проверяли при Ду Минли. Даже профессор Ли Байшоу из института «Хунсо» не нашел в них изъянов. Директора лишь удивляло, что у этого студента ход мыслей совпадает с маститым ученым. Хэ Даюн распорядился вынести журналы.

Принесли целую стопку, высотой почти в полчеловеческого роста. Ли Жун, как и его предшественник, физически не мог проверить всё.

Едва самолет Цэнь Сяо поднялся в воздух, директор немедленно связался с председателем Цзян Чжуном. К тому времени как юноша найдет хоть какую-то зацепку в этой лавине цифр, фармацевтическая компания «Мэйцзян» уже выйдет из состава палаты «Ланьшу», и тогда Девятый район не дождетя от Хэ Даюна даже вежливого кивка. Именно в этом заключалась его уверенность.

Ли Жун открыл текущий журнал и просмотрел пару страниц. Почерк был небрежным, как и положено у практиков, но цифры безупречно соответствовали регламенту производства «Цинжуй». Он отложил этот том и принялся листать следующий. Юй Фуянь с умным видом пристроился рядом, пытаясь разглядеть в записях хоть какой-то смысл, но в итоге лишь окончательно запутался.

В этот момент телефон Цэнь Сяо завибрировал. Ли Жун замер и оглянулся на него. Капитан ответил ему спокойным, подбадривающим взглядом, хотя содержание сообщения было далеко не обнадеживающим. Напротив, оно легло на сердце тяжким грузом. Смс было от Хань Цзяна.

[Хань Цзян: Только что поступила информация. Цзян Чжун вчера вечером распорядился завершить ликвидацию Шестого района в течение двух дней. У нас больше нет времени]

[Хань Цзян: Я уже приказал Ду Минли прекратить расследование по «Мэйцзян». Мы планируем использовать имеющийся отчет экспертизы, чтобы через прессу оказать давление и объявить компании бойкот]

Такая оперативная реакция Цзян Чжуна означала, что он в полной координации с Хэ Даюном.

Они решили не искушать судьбу и немедленно вывести компанию из-под юрисдикции Девятого района.

Но Цэнь Сяо понимал: одного старого отчета по «Юаньхэшэну» недостаточно, чтобы сокрушить такого гиганта. Экспертиза касалась просроченных партий, а внимание публики сосредоточено на настоящем. Если текущие поставки соответствуют нормам, люди не станут поднимать шум из-за старых грехов. Компания «Мэйцзян» принесет формальные извинения, выплатит штраф, и всё вернется на круги своя. Скандал затихнет, не успев разгореться.

Им нужно было доказательство того, что завод производит некондиционный товар сейчас, и что масштаб проблемы куда серьезнее. Старый отчет мог заставить Хэ Даюна понервничать и дать Хань Цзяну повод для мести, но цели Цэнь Сяо и Ли Жуна были иными. Им требовалось через компанию «Мэйцзян» распутать весь клубок интересов, стоящих за этой империей. И они не могли остановиться.

Виртуальные часы на экране телефона отсчитывали секунды. Казалось, время сорвалось с цепи и несло вперед с пугающей скоростью. В рабочем кабинете было тесно от людей, кондиционер бесшумно гнал холодный воздух в коридор. Влажный пол под подошвами туфель издавал противный скрип. Каждый звук в этой тишине напоминал тиканье таймера, давящего на психику.

Юноша спокойно просмотрел уже десяток журналов. Он листал их нарочито быстро, едва задерживая взгляд на строчках — казалось, он даже не успевает разобрать цифры после запятой. Гэн Ань чувствовал, как рубашка на спине становится мокрой: все оперативники отряда «Призрачный глаз» получили сообщение от Хань Цзяна. В общем чате Девятого района Ду Минли уже вовсю посыпал голову пеплом, признавая ошибки в планировании.

Лишь студент, казалось, пребывал в неведении, продолжая методично перебирать тома с небрежными записями.

Хэ Даюн расплылся в улыбке:

— Ну как? Видите, с данными всё в порядке.

У Гэн Аня екнуло сердце. Самоуверенность директора подтверждала худшие опасения: в этих бумагах нет ничего. Можно просидеть здесь два дня и две ночи, но так и не найти зацепки. Юй Фуянь в панике посмотрел на капитана; он хотел спросить, не пора ли посвятить Ли Жуна в детали распоряжения Хань Цзяна, но Цэнь Сяо едва заметно покачал головой.

Пока Ду Минли приносил извинения в чате и получал снисходительные ответы коллег, оценивших его старания, всё давление переместилось на Цэнь Сяо. Все ждали, когда и он признает свое поражение, но капитан хранил молчание. В чате повисла неловкая пауза.

В цехе «Цинжуй» воцарилась гнетущая тишина. Все ждали, пока Ли Жун закончит с тридцатью

томами архива. Увидев, как парень закрывает последнюю книгу, Юй Фуянь внутренне содрогнулся.

В голове билась одна мысль:

«Всё кончено!»

Но Ли Жун, положив ладонь на стопку журналов, внезапно посмотрел на Хэ Даюна и негромко рассмеялся.

— Господин Хэ, а не слишком ли топорная работа — старить записи трехлетней давности так, будто им уже лет шесть? Неужели вы, такой ценитель старины и каллиграфии, не удосужились лично проверить качество подделки?

С этими словами Ли Жун резким движением швырнул верхний журнал прямо в Хэ Даюна.

<http://bllate.org/book/15351/1499493>